

ЩУКИНА Н. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЩУКИНА Наталья Александровна, родилась в 1878 в Краснослободске Пензенской губ. Получила высшее медицинское образование, с 1900-х — работала врачом в Томской клинике. В 1920-х — частнопрактикующий врач в Новосибирске. Вышла замуж, в семье — двое сыновей. 15 июня 1927 — арестована, 7 октября приговорена «за антисоветские высказывания» к 3 годам ссылки¹ и отправлена в Иркутск. Позднее срок наказания сокращен на ¼. В апреле 1928 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 апреля 1928>

«Обращаюсь к Вам, многоуважаемая Екатерина Павловна, еще с одной просьбой. Я страшно измучена тем, что сделано со мной, стараюсь считать это судебной ошибкой, и мне страшно тяжело, что срок сокращен на ¼, а не на ½, значит, я квалифицируюсь не просто контрреволюцией, а чем-то большим. На самом же деле ведь я ничего не сделала абсолютно и до сих пор не знаю, в чем моя вина. Меня обвиняют, что я группировала вокруг себя антисоветские элементы, а они, эти "элементы" до сих пор служат, занимают ответственные места. Я обвиняюсь, что я подготовляла интервенцию при помощи проф<ессора> Новомбергского, пр<офессоров> Болдырева, Волкинского, а они все занимают большие ответственные должности, и никто не был арестован. Я это пишу не для того, чтобы и их арестовали, а для того, чтобы показать, что если бы это была правда, то ведь их-то в первую голову и арестовали. Значит, ничего этого не было. Бывали у меня знакомые на праздниках 2 раза в год, а по субботам более близкие, чтобы не отрывать меня в другие дни от работы. Я же старый врач, популярна была в Новосиб<ирске>, имела большую практику, т<ак> к<ак> около 10 лет проработала в Томской клинике, сначала у пр<офессора> Грамматикова и 8 л<ет> у пр<офессора> Курлова, естественно, что меня знали и мне больные верили. Но при чем тут контрреволюция? Из моих знакомых, бывавших у меня, выдернуто трое и четвертая я, и мы обвинены, более мелкие по служебн<ому> положению сошки. Правда, я не учла, что все инкриминируемые мне люди, "бывшие", по разному занимали ответственные советские посты, я не могла предвидеть, что с ними нельзя было иметь добрых отношений. Один из прокуратуры мне на мой вопрос разъяснил, что был донос. Но к<а>к же на основании ложного доноса я лишена всего, сослана и даже не могу поступить на службу и использовать свой 18 л<етний> врачебный стаж, да еще с 10-летней клинической работой? Что я могу сделать, чтобы попытаться снять с себя возводимые на меня обвинения. Мне сказали, что раньше 6 м<есяцев> я ничего не могу предпринимать. Теперь скоро год. Неужели же я должна остаться со взведенными на меня обвинениями, заведомо ложными на основании только ложного доноса и больше ничем? Я это не могу, тем более, что в 20 г<оду> я одна из первых в Томске пошла работать и работала до появления кровохарканья, когда должна была уехать в деревню, где продолжала работать и могла пить молоко. Когда поправилась, я опять переехала в город, но в Н<ово>Сибирск и здесь работала, пока не начались отеки, и мне пришлось перейти на случайную частную практику, где я могла в любой момент лечь и закрыть дверь. О моей болезни все справки у Вас имеются, доказательство, что я не вру.

Но как я докажу, что <в> 1905 г<оду> я принимала участие в революц<ионной> работе, и у меня под прикрытием положения <нрзб.>

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

хранилась нелегальная литература? Этому есть только один свидетель в живых. Как я докажу, что я дочь отца, который был товарищем Страндена, Юрасова, Ермолова (Каракозовское дело) и случайно не был арестован? Как я докажу, что в 10-12-14 году я в Томске принадлежала, к так называемому, Потанинскому кружку? Т<о> е<сть>, другими словами, возводимые на меня обвинения органически мне не свойственны. Ради всего, что Вам дорого, помогите мне. К кому я ни обращусь из властей, мне пожимают плечами и говорят, что ничего сделать нельзя. Но ведь не может же быть, чтобы я, человек, более чем лояльный без всякой вины, навсегда была заклеена? Мне 56 лет. Быть всю жизнь революционно настроенной и стать без вины в контрреволюционерки, да еще, по видимому, в <нрзб.> я не могу.

М<ожет> б<ыть>, я пишу наивно, но я дошла до края, за которым жить почти невозможно. Семья моя, муж и два взрослых сына также страдают, как и я, невиноватые ни телом, ни душой. То, что посажена в тюрьму была я одна из всей семьи, лишний раз доказывает, что дело направлено на личность, а не на организацию. Неужели ничего нельзя сделать?

Ответьте, пожалуйста. Несмотря на Ваше сообщение, что мне разрешено проживание в разных городах Сибири, я все же с навигацией должна отправиться в Киренск. Я хлопочу перед местной властью об оставлении в Иркутске, но ничего не надеюсь.

Вр<ач> Наталья Алексеевна Щукина»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 272. С. 69-72. Автограф.